

**В.В. КОЧЕТКОВ\***

### **СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО КАК АНТИКРИЗИСНАЯ ПАРАДИГМА В США**

Почему в условиях мирового кризиса лидеры ведущих развитых стран, и прежде всего новый президент США Б. Обама, часто ссылаются на политику так называемого государства всеобщего благосостояния<sup>1</sup>? Что изменилось с 80–90-х годов прошлого века, когда казалось, что процессы глобализации приведут, если не весь мир, то большинство стран к стабильному росту и процветанию? Ведь кризисы бывали и в те годы, но они не подрывали оптимизма и веры в ценности «свободной торговли» и «свободного рынка».

Сейчас, как представляется, происходит фундаментальный сдвиг в оценке перспектив, путей и целей глобализации, осознание того, что экономика, а главное финансы обогнали в своём развитии старые социальные институты и устоявшиеся структуры «жизненного мира»<sup>2</sup>, что положило начало деградации фундаментальных ценностей западной цивилизации. Один раз, в середине прошлого века, социальное государство в качестве «социального компромисса» (по Ю. Хабермасу) уже спасало капитализм, создав возможность продолжительного экономического роста. Поэтому переосмысление опыта реализации этого института с учётом неоконсервативной критики начиная со времен Р. Рейгана даёт надежду не только на смягчение последствий современного мирового кризиса для граждан, но и на нахождение новой траектории движения всей западной цивилизации. В данной связи представляется необходимым проанализировать гуманитарные основания политики новой американской администрации и то, какими она видит пути эволюции социального государства в условиях современной глобализации<sup>3</sup>.

---

\* КОЧЕТКОВ Владимир Валерьевич – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Научно-педагогического центра прав человека и ювенальной юстиции Российского государственного социального университета. Copyright © 2009.

<sup>1</sup> Понятия «социальное государство», «государство всеобщего благосостояния» и «государство всеобщего благоденствия» используются как синонимы.

<sup>2</sup> Понятие «жизненный мир» трактуется в духе поздней феноменологии Э. Гуссерля как фиксирующее значимый для человека мир первоначальных допредикативных истин, очевидностей, конституируемых в деятельности трансцендентальной субъективности.

<sup>3</sup> Необходимо говорить именно о современной глобализации, так как существуют качественные различия между простым ростом объёмов международной торговли и иностранных инвестиций, что уже имело место в истории капитализма, например, с конца XIX века до начала Первой мировой войны, и глобальным финансированием операций по неэквивалентному обмену между центром и периферией в эпоху постиндустриального общества.

Под глобализацией автор понимает процесс экспансии американского финансового капитала по всему миру с конца 1970-х годов. Его начало не случайно совпало с первыми попытками реформирования в странах социализма (в Китае, Польше, Венгрии, а затем и СССР). Подлинно глобальный характер данный процесс приобрёл с крахом советского блока. Глобализация полностью детерминировалась ценностями неolibеализма, главные из которых – неограниченная свобода для частного потребления, личного интереса и частного контракта. Кроме того, развитие информационных технологий и транснациональных СМИ повлекло создание глобального гражданского общества в лице международных общественных организаций и движений. Абстрагируя «глобальное» в потреблении, заменяя общественное регулирование частными экономическими интересами, современная глобализация десолидаризирует общество, редуцируя общественный интерес к многообразию частного потребления. Десолидаризация убирает последние препятствия перед стихийностью рыночной экономики, несбалансированностью мирового экономического и общественного развития, что, как показывает начавшийся мировой кризис, неминуемо приводит к разрушительным последствиям.

Таким образом, настоящий мировой кризис – логически закономерный итог современной глобализации; – он определяется как финансовый, так как финансы есть сущность последней. Проявляется он также и в кризисе доверия, поскольку в десолидаризованном обществе (мировом сообществе) все отношения держатся на случайной констелляции частных интересов индивидов (государств). Институты государства всеобщего благосостояния, которые обеспечивали общий интерес и общее благо в американском обществе с середины 30-х годов прошлого века, были или ликвидированы, или выхолощены неоконсерваторами (т.е. представлены ими в виде обузы для налогоплательщиков). Неоконсервативная идеология работала в условиях повышательного роста экономики и частного потребления, что обеспечивалось ведущей ролью США в современной глобализации. В чём заключалась её сила? В наглядности красивой картинки американского образа жизни. А в чём оказалась её слабость? Как ни парадоксально, в невозможности саморегулирования экономики и общества, так как стало очевидно, что сумма частных интересов не позволяет приблизиться к горизонту всеобщего блага. Иначе говоря, оказалось, что частным порядком невозможно организовать справедливое общество и реализовать демократические ценности.

Так почему же американские неоконсерваторы, олицетворением которых стала администрация Дж. Буша-мл., считали, что глобализация и социальное государство несовместимы? Противоречат ли принципы свободной торговли своеобразному протекционизму социального государства? И, наконец, почему современный глобальный кризис заставляет мировых лидеров вновь вспомнить о социальном государстве?

Исторически капиталистическая система развивалась в процессе реализации требований либеральных свобод и демократии<sup>4</sup>. Причём право голоса в государственных и общественных делах изначально признавалось только за собственниками, приумножающими свою собственность. А подотчётность власти в такой картине мира понималась, прежде всего, как запрет вводить новые налоги или определять уровень налогообложения без согласия налогоплательщиков, понимаемых как народ или их представители. Теоретики исторически первой формы либерализма считали, что гарантией основной свободы человека – свободы иметь и приумножать свою собственность – могут стать юридически закреплённые права человека и гражданина, защитой которых становятся закон и независимый суд (Ш. Монтескье), а также, что очень важно, общественная солидарность граждан в виде самоуправления местных общин. Все эти идеи были обобщены в теории правового государства. Как справедливо заметил немецкий исследователь Й. Изензее, «переход от абсолютистского государства, описанного в своё время Т. Гоббсом в "Левиафане", в государство правовое, характеризуется в первую очередь тем, что государство ограничивает свои полномочия задачами обеспечения безопасности своих граждан. [Однако]... своего совершенства правовое государство достигает, когда оно предлагает гражданину защиту не только от его сограждан, но и от произвола со стороны самой государственной власти. Когда оно на конституционном уровне обеспечивает личные и общественные свободы граждан, признавая их основные права, когда оно осуществляет свою власть исключительно посредством тех инструментов, которые предоставлены ему существующими законами»<sup>5</sup>. Кроме того, свободу граждан гарантирует принцип разделения властей, на правовом уровне ограничивающий аппарат государственного насилия и обеспечивающий его прозрачность и контролируемость. Именно такое понимание правового государства легло в основание Конституции США и первых поправок к ней, известных как Билль о правах.

Итак, если правовое государство защищает свободу гражданина от произвола со стороны государства, то демократия предоставляет ему возможность участвовать в государственном управлении либо непосредственно на местном уровне, либо через своих представителей в масштабах всей страны. Говоря иначе, «значение свободы расширяется: раньше она означала, с одной стороны, цель государственной власти и, с другой стороны, её границы. Теперь она означает также и происхождение власти, её законность»<sup>6</sup>. Можно с уверенностью сказать, что сущность конституционного государства со времён американской революции выражается в триаде «основные права – демократия – разделение властей».

---

<sup>4</sup> Первыми их сформулировали Т. Гоббс и Дж. Локк, а тесно связывали американские просветители XVIII века, хотя автор в принципе согласен с американским исследователем Ч. Тилли, что нельзя отождествлять либерализм и демократию. Например, Англия XVIII века была либеральной страной, но не демократической, а Иран после исламской революции 1979 г. является демократическим государством, в котором не признается ряд либеральных свобод (Тилли Ч. Демократия. М., 2007).

<sup>5</sup> Политическая философия в Германии. Сб. статей. М., 2005, с. 9–10.

<sup>6</sup> Там же, с. 10.

Таким образом, к началу XIX века были сформулированы и обоснованы все основные идеи концепции демократического правового (в политической и юридической литературе как синоним используется понятие «конституционное») государства. Её исходной предпосылкой был жизненный мир мелких свободных и равных собственников, проживающих в местных сообществах. Именно о таком обществе писали Б. Франклин, Т. Джефферсон и другие американские просветители.

Однако становление индустриального способа производства нарушило сельскохозяйственную идиллию. Развитие крупной промышленности, которой имманентно свойственны рационализация, специализация, чёткое разделение труда, разорвало тотальность раннего буржуазного «жизненного мира»: гражданин отделился от собственности-земли; индивид отделился от способности трудиться и стал жить не за счёт результатов труда, а за счёт продажи своей способности трудиться; изменилась семья (из семьи патриархальной она превратилась в нуклеарную); распалась общинная жизнь, прежде всего, из-за мобильности населения в поисках работы, а также и вследствие социального расслоения. И как результат этих процессов, появились и расцвели пышным цветом разнообразные формы девиантного поведения. Концентрированным выражением всего этого стал пауперизм, красочно описанный писателями XIX века.

Глубинные процессы приводили к эрозии основ либеральной демократии. В результате такой «великой трансформации» (термин К. Поланьи)<sup>7</sup> начала исчезать социальная основа этого типа общества, что, если учитывать ценностное значение идей прав человека и демократии, приводило к драматическим социальным и политическим конфликтам, сотрясавшим все развитые страны на протяжении XIX века. Общественная солидарность, которая покоилась на свободе, равенстве и братстве (общинном соседстве) граждан, была утрачена.

На эти вызовы в Европе и Америке были выработаны три ответа. Первый – национализм. Национальное государство как феномен, впервые появившийся именно в эту эпоху, решало задачу выработки новой общественной солидарности путём конструирования идеи «нации» как исторически сложившейся общности граждан, объединённых государственным языком, общей территорией, определёнными политическими институтами, в которых воплощается единый народный дух. Популярная в Соединённых Штатах с конца XIX века идея «плавильного котла» метафорически представляла этот процесс. Но национализм как основа солидарности в многонациональной и мультирасовой стране с непродолжительной историей не мог иметь таких серьёзных оснований, как, например, в Германии или Италии. Поэтому он в США постепенно эволюционировал в сторону конституционного патриотизма, любви к американскому образу жизни.

Два других ответа – социализм и социальное государство – имели, как представляется, общие предпосылки, но разные следствия. Социализм был

---

<sup>7</sup> Подробнее см.: Поланьи К. Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. СПб., 2002.

нацелен на революционное изменение сферы наёмного труда, т.е. на освобождение труда от оценки его другими людьми. При социализме предполагалось возможным на современном уровне концентрации труда на крупных предприятиях обеспечить рациональное управление в виде самоуправления рабочих. В данном случае общественная солидарность моделировалась по образу фабричного коллектива. Однако такой способ конституирования солидарности противоречил основным ценностям «жизненного мира» американца: инициативности, личной ответственности за свою судьбу, свободе, равенству и демократии. Именно поэтому, думается, идеи социализма не получили широкого распространения в США.

Социальное государство предложило совершенно иной проект<sup>8</sup>, оказавшийся очень жизнеспособным; в нём, как пишет Ю. Хабермас, трудовые отношения «остаются отправным пунктом не только для мероприятий по гуманизации труда, которые и впредь будут оценивать другие люди, но, прежде всего, для компенсаторных действий в ответ на основные риски труда наёмного (несчастные случаи, болезни, потеря рабочего места, необеспеченная старость)»<sup>9</sup>. Эта цель должна быть достигнута через законодательство социального государства и коллективные переговоры независимых сторон о тарифах. Как известно, основные мероприятия по нормализации статуса наёмного труда были реализованы в США в рамках «Нового курса».

Политики социального государства получают легитимацию на всеобщих выборах и находят для себя общественный базис в независимых профсоюзах и рабочих партиях, однако решающее слово для успеха проекта принадлежит только мощи и способности к действиям государственного аппарата. Иначе говоря, чтобы обеспечить бесперебойное функционирование либерального демократического государства необходимо создать такую систему социальной безопасности граждан, которая защищала бы их от рисков свободного рыночного хозяйства. Первый американский государственный деятель, ясно сформулировавший эту мысль, как известно, был Ф. Рузвельт. Главная же опасность состоит в том, что свобода для всех, провозглашаемая конституцией, на деле может оборачиваться всесилием экономически обеспеченных граждан, в то время как более бедные, впадая в экономическую зависимость, по сути, исключаются из процесса принятия политических решений. Поэтому даже борьба с трестами и другими видами монополий, которую развернул в начале XX века Т. Рузвельт, в сущности, была борьбой за демократию, за ценности, составлявшие основу американского образа жизни, детально описанного известным французским мыслителем А. де Токвилем<sup>10</sup>.

Президент США Л. Джонсон, формулируя концепцию «Великого общества» справедливо полагал, что, обеспечивая социально слабым гражданам про-

---

<sup>8</sup> Концепцию социального государства разрабатывали и монархист Л. Штейн, и консерватор Б. Дизраэли, и социал-демократ Ф. Лассаль. Реализовывали её такие непохожие прусский милитарист О. фон Бисмарк и английские лейбористы. От первых идей и планов до более или менее масштабной реализации этого проекта в развитых западных странах прошло около ста лет.

<sup>9</sup> Хабермас Ю. Политические работы. М., 2005, с. 92.

<sup>10</sup> См.: Токвиль А. Демократия в Америке. М., 1994.

житочный минимум, который необходим для сохранения их человеческого достоинства, социальное государство принимает тем самым ответственность за обеспечение предпосылок, необходимых для функционирования закреплённых в конституции гражданских свобод. Необходимо ещё раз подчеркнуть, что с одной стороны, согласно концепции государства всеобщего благосостояния социальный компромисс достигается посредством вмешательства демократически легитимированной власти ради сохранения и роста капиталистического накопления. С другой – данная концепция предполагает, что только нормализация статуса наёмного работника с помощью гарантированных социальных прав позволяет массе людей наслаждаться свободой, социальной справедливостью и растущим благосостоянием. Её сторонники полагают, что с помощью государственного вмешательства можно восстановить первоначальную тотальность раннебуржуазного общества, сконструировать общественную солидарность на основе гарантирования социальных прав.

Именно теория и практика социального государства наиболее адекватно ответили на вызовы существования индустриального общества XIX века и обеспечили беспрецедентное процветание западных стран, прежде всего США, в середине прошлого века. Однако в самой конструкции социального государства имплицитно содержался ряд проблем, которые вышли на первый план в начале нового этапа общественного развития – так называемой постиндустриальной революции и её финальной стадии – глобализации. Теперь, по мнению Ю. Хабермаса, «должна идти речь, во-первых, о границах примиримости капитализма и демократии, и, во-вторых, о возможностях производства новых жизненных форм бюрократическо-правовыми средствами»<sup>11</sup>.

Первая ситуация связана с тем, что социальное государство ограничено национальными рамками, суверенитетом над определённой территорией. Оно самостоятельно не может регулировать мировой рынок, а также действующие на нём глобальные финансовые структуры и транснациональные корпорации. И этот недостаток социального государства стал вполне очевиден в процессе глобализации. Кроме того, основной способ регулирования в социальном государстве – перераспределение доходов в пользу неимущих и социально незащищённых слоёв с помощью бюрократии – приводит постепенно к эрозии социальной базы государства. Чем успешнее такая политика, тем больше растущий благодаря ей же средний класс осознает, что государство как таковое уже не служит «источником благосостояния». А самое главное – формируется стойкое убеждение, что оно не может гарантировать постоянное рабочее место в качестве гражданского права<sup>12</sup>. На этой почве происходит объединение избирателей из среднего класса вместе с представителями имущих классов (элиты) против привилегированных групп, облагодетельствованных социальным государством. Именно такая политическая констелляция – случайное

---

<sup>11</sup> Хабермас Ю. Ук. соч., с. 97.

<sup>12</sup> По мнению Хабермаса, именно на подчеркивании этих фактов и была построена вся неоконсервативная критика социального государства.

совпадение интересов и привела в своё время к власти Р. Рейгана в США и М. Тэтчер в Англии.

Вторая ситуация обнажает, как представляется, глубинное противоречие между идеей правового государства и идеей социального государства, хотя сами творцы государства всеобщего благосостояния считали, что им удалось их непротиворечиво синтезировать. Имеется в виду расхождение между задачами первого и второго. Напомним, что, как правило, «под правовым государством понимается такая государственная система, целью которой является свобода каждого отдельного её гражданина. Под социальным же государством понимается система, нацеленная на благо всех, на благо общества в целом. Правовое государство обеспечивает свободу, социальное государство обеспечивает общественное благо»<sup>13</sup>. Способ реализации первого – ограничение государственной власти и контроль над нею. Способ реализации второго – активное вмешательство государства в экономическую и социальную жизнь через перераспределение, стандартизацию и контроль. По сути, как правильно отметил Ю. Хабермас, «проекту социального государства как таковому неразрывно присуще противоречие между целью и методом. Его цель – создание эгалитарно структурированных жизненных форм, где в то же время могут возникнуть пространства для индивидуальной самореализации спонтанности. Но, очевидно, этой цели невозможно достигнуть напрямую через административно-правовую реализацию политических программ»<sup>14</sup>. Как показала практика, государство и бюрократия не есть некие нейтральные инструменты, которые можно использовать просто как средства социальной или иной политики<sup>15</sup>. Они имеют свою внутреннюю логику развития и свои довольно специфические интересы, которые зачастую вступают в противоречие с потребностями общества, бизнеса и рядовых граждан.

Эта своеобразная наивность теоретиков и практиков социального государства вполне объяснима. Ведь когда вырабатывалась концепция правового государства, перед мыслителями стояла задача ограничить власть Левиафана, абсолютистского государства. Теоретики же социального государства работали в условиях реализованного правового государства, когда государственная власть уже была сокращена до предела, а несбалансированность капитализма индустриального типа требовала государственного регулирования через реформы. Но в условиях постиндустриального общества и современной глобализации государственное регулирование может становиться препятствием на пути развития экономики, а значит мешать росту частного потребления. В этом случае государственность мешает социальности, потому что, когда его вмешательство сокращается, всё общество в целом снова подвергается атомизации и вследствие этого десолидаризируется. Суть всей неоконсервативной революции, этого глашатая и проповедника глобализации, состоит именно в снижении уровня политического регулирования общественной жизни, а значит в отказе от поис-

<sup>13</sup> Политическая философия в Германии, с. 166.

<sup>14</sup> Хабермас Ю. Ук. соч., с. 100–101.

<sup>15</sup> Подробнее анализ этой темы см.: Кочетков В.В., Панина Л.Н. Типы господства и развитие демократии. – «Вестник МГУ». Серия 7. Философия, 1993, № 1, с. 25–32.

ка компромисса среди членов общества и в так называемом переходе к саморегуляции общества<sup>16</sup>.

Таким образом, несмотря на бесспорные достижения к началу 80-х годов прошлого века развитие социального государства зашло в тупик. Энергия идеального трудового общества, построенного с помощью государственного вмешательства на основе идей свободы и справедливости, иссякла. Во-первых, в результате экономического развития изменился сам труд и его характер. Экономика знаний атомизирует общество, ведь знание индивидуально и избирательно, что разрушает идеал солидарности фабричного коллектива, изменяет жизненный мир современного человека. Во-вторых, как показала современная глобализация, если раньше с середины XIX века существовала задача по укрощению стихийности рыночной экономики, то сейчас в начале XXI века стоит задача укротить глобальный финансовый капитализм и бюрократическое государство.

Но значит ли это, что социальное государство принадлежит только прошлому? Можно согласиться с Ю. Хабермасом, который полагает, что «утвердившийся в общественных структурах компромисс социального государства образует основу, из каковой должна исходить любая политика, осуществляемая в наших широтах. Социальное и экологическое укрощение рыночной экономики – формула для всего мира, в котором (при наличии консенсуса) оказалась обобщена демократическая цель укрощения капитализма»<sup>17</sup>. Условно современное общество имеет три измерения: деньги, административная власть и общественная солидарность. Причём последняя вырабатывает совокупность оснований, которые административная власть может использовать в качестве инструмента и при этом конституция правового государства предписывает ей это. Выход видится в том, чтобы «социально-интегративная власть солидарности – с помощью широко разветвлённых демократических публичных организаций и институтов – успешно утверждалась против двух других властей»<sup>18</sup>.

Некоторые политики и учёные, активно переосмысливая опыт построения Евросоюза, говорят о необходимости создания всемирного социального государства, что будет соответствовать вызовам современной глобализации. Однако более реалистично, чтобы вырабатывались меры по регулированию глобализации с точки зрения социального и экологического измерения на основе существующих демократических институтов национальных государств. Именно поэтому мировые лидеры в условиях глобального кризиса вспомнили о демократии и социальном государстве как непреходящих западных ценностях. Например, как пишет Б. Обама, несмотря на то, что американский индивидуализм – «это уверенность в своих силах, самосовершенствование, готовность к риску, это бережливость и личная ответственность... он всё же издавна ограничен общественными ценностями, тем клеем, который скрепляет любое здо-

---

<sup>16</sup> Именно такое понимание неоконсерватизма объясняет бескомпромиссную внешнюю политику администрации США последнего десятилетия.

<sup>17</sup> Хабермас Ю. Ук. соч., с. 170–171.

<sup>18</sup> Там же, с. 173.

ровое общество»<sup>19</sup>. Такие ценности, по его мнению, – семья, солидарность, долг, патриотизм и демократия. Главное – найти баланс между индивидуализмом и общественными ценностями, создать правильный фундамент солидарности в новых исторических условиях. Б. Обама полагает, что «Р. Рейган сыграл на страстном желании порядка, на потребности [американцев. – *В.К.*] считать себя не просто игрушкой в руках непонятных слепых сил, а людьми, способными формулировать личные и общественные ценности, которые открывают для себя заново трудолюбие, патриотизм, личную ответственность, оптимизм, веру»<sup>20</sup>.

Либеральная риторика возносила права неизмеримо высоко над обязанностями и ответственностью. Именно поэтому нельзя забывать опыт построения государства всеобщего благосостояния при президентах Ф. Рузвельте и Л. Джонсоне. Ведь как раз политика «Нового курса» и «Великого общества» позволила обуздать стихийность рыночной экономики, заложить основы общественной солидарности на основе признания прав и достоинств каждого гражданина, независимо от происхождения, веры или цвета кожи.

Настоящая проблема состоит в том, что в эпоху глобализации возникла новая ситуация: прямая конкуренция рабочих и производителей из разных стран за место в глобальной торговле, которая заставляет менеджмент компаний под давлением международных инвесторов снижать издержки любой ценой. Хотя всем понятно, что, как ни экономь на рабочих, США не смогут в этом вопросе конкурировать с Китаем или Индонезией. Как верно отмечает Б. Обама, «можно затормозить глобализацию, но остановить её нельзя. Экономика США сегодня настолько сильно привязана ко всему миру, а электронная торговля настолько распространена, что трудно себе даже представить какой-либо эффективный режим протекционизма»<sup>21</sup>.

Новый политический лидер США, страны, оказывающей огромное влияние на судьбу всего мира, утверждает, что со стороны государства необходимы значительные вложения в образование, науку, технологию, экологию, энергетическую независимость (в качестве залога конкурентоспособности на мировом рынке). А главное, по его мнению, американцам всегда нужно помнить о том, что означал для страны «Новый курс». Он заложил основы социальной безопасности и тем самым создал новый базис солидарности американского общества. Эта безопасность покоилась на трех столпах: возможность найти хорошо оплачиваемую работу; предоставление работодателем пакета медицинских и пенсионных услуг; создание государственной системы социальной помощи. Появилась идея, что работодатели должны всегда хорошо заботиться о своих работниках. Б. Обама призывает не забывать: для того чтобы огромные вложения в общественную инфраструктуру заработали, необходимо создать систему поддержки желающих работать, ибо только это может вернуть человеку достоинство и стать основой для новой общественной солидарности. Поэтому ин-

---

<sup>19</sup> Обама Б. Дерзость надежды: Мысли о возрождении американской мечты. М., 2008, с. 65.

<sup>20</sup> Там же, с. 38.

<sup>21</sup> Там же, с. 198.

ституты социального государства надлежит не демонтировать, а наполнять новым содержанием, прежде всего демократизировать, т.е. освободить от власти денег и бюрократии. Следует помогать гражданам не бояться потерять статус «клиента» государства и наоборот стремиться к статусу «свободного агента». Именно такая возможность возникла благодаря постиндустриальной революции и глобализации, которая завершает переход от экономики труда к экономике знаний во всемирном масштабе.

Своеобразный протекционизм социального государства в условиях глобализации это защита достоинства человека, который хочет деятельно участвовать в определении своей судьбы и будущего политического сообщества. Подобное возможно только через демократические процедуры, с помощью которых вырабатывается консенсус в отношении проблем «жизненного мира», и при этом каждый индивид вправе ожидать, что его желание будет поддержано другими гражданами.

Между тем масштабность и глубина кризиса поставили США перед необходимостью решать вечные «принципиальные» вопросы. Каковы, например, должны быть степень участия государства в разрешении кризиса, формы его будущей социальной жизни. Сюда же относятся вопросы соблюдения этических норм при реализации антикризисных мер, определении основ солидарности для различных социальных групп и общества в сложнейший период трансформации страны. При этом совершенно ясно, что американское общество станет иным по завершению кризиса, изменения затронут все сферы жизни, а не только финансовую сторону. Примечательно то, что Америка едина в понимании необходимости перемен, различие же проявляется в способах реализации этой задачи – снижение налогов или увеличение государственных расходов. Самый главный вопрос – насколько принципиальными будут изменения и какими в дальнейшем станут Соединённые Штаты. Б. Обама заявил в своём инаугурационном выступлении: «У нас есть уникальный шанс, мы можем действовать смело и добиться того, чтобы неблагоприятная для нас обстановка превратилась в благоприятное стечение обстоятельств. Мы можем использовать этот кризис для того, чтобы трансформировать нашу экономику и приспособить её к XXI веку»<sup>22</sup>.

Ключевой вопрос, которым задаются многими экономисты, социологи, политики: будет ли на самом деле изменена основа развития американской и мировой экономики в результате кризиса – модель, имеющая в своём основании рост американского потребительского рынка? По меткому замечанию известного финансиста Дж. Сороса, американский потребитель больше не может быть движущей силой мировой экономики, необходим качественный скачок к новым альтернативным источникам энергии, энергосберегающим технологиям, которые создадут новую экономику. А самое главное, по его мнению, необходим отказ от ценностей неolibеализма, которые и сделали возможным настоящий кризис<sup>23</sup>.

---

<sup>22</sup> [www.public-initiative.ru/index2.php?option=com\\_content&do.pdf=1&id=68](http://www.public-initiative.ru/index2.php?option=com_content&do.pdf=1&id=68)

<sup>23</sup> [www.newsland.ru/index/news/tag/60012/ord/1/](http://www.newsland.ru/index/news/tag/60012/ord/1/)

В действиях правительства США по преодолению кризиса, в разъяснении им своей позиции при широком обсуждении предлагаемых мер, и не только в стенах госучреждений, проявляется понимание того, что никакая эффективная политика не может быть реализована без высокого взаимного доверия, доверия к власти со стороны всех общественных групп внутри страны и без открытости внешнему миру. Особенно большую роль в процессе разбора причин настоящего кризиса и путей выхода из него играют слушания в Конгрессе, в которых принимают участие лидеры американского бизнеса. Правда, последнее в этом процессе часто выступают в роли обвиняемых (своеобразный гражданский катарсис). Именно среди законодателей сформировалось мнение, что в одиночку выйти из кризиса вряд ли получится, потребуется координация усилий мирового сообщества.

Таким образом, подводя итоги сказанному, можно заключить, что новая администрация США видит перспективу выхода из современного кризиса на путях развития институтов государства всеобщего благосостояния и модернизации социальной инфраструктуры американского общества с использованием открытых дискуссий для формирования консенсуса. Судя по всему, у власти есть понимание того, что для решения стоящих на повестке дня задач необходимо преодолеть десолидаризацию общества и, может быть, даже всего мирового сообщества. Для этого потребуется вновь задействовать ресурс традиционных ценностей американцев и западной цивилизации вообще. Представляется, что этот путь логически вытекает из всей американской истории и поэтому действительно служит парадигмой преодоления мирового кризиса. Другие государства могут действовать в русле этой парадигмы либо ждать, когда возобновится мировой экономический рост, который даст возможность поучаствовать в потреблении «глобального пирога благосостояния». Какая позиция перспективнее, покажет ближайшее будущее.